

ЛЮДМИЛА МЯСНИКОВА

Экономический кризис и парадигма нового времени

Экономический кризис 2008 года, рассматриваемый вначале как циклический кризис глобальной экономики, фактически явился этапом начавшегося системного кризиса. Выхода из него внутри системы не видно. Типичный пример пата — внутрисистемная антикризисная политика, когда государство берет на себя ответственность за «токсичные» активы. Далее кризис становится кризисом суверенных долгов, а причины, вызвавшие появление этих «токсичных» активов, не меняются. Выход из системного кризиса — это конец одной системы и рождение другой, не только с иным технологическим укладом, но в целом экономическим и даже культурным. Это смена парадигмы.

Нынешняя парадигма западной цивилизации превратила понятие комфорта в наивысшую ценность. Деньги стали главным индикатором места человека в обществе, а статус определяется стилем потребления товаров и услуг¹. Рост значения денег снижает роль морали. Способность денег все связывать дается ценой поверхностного характера этой связи, в которой ложь является правилом. Законода-

тельство от развития нравственных норм переходит к защите от противоправных посягательств на материальные блага, что, собственно, развивает взгляды Локка на государство. Создание государств на таком праве ведет к подмене морали законом. Опора в регулировании социальных отношений только на законы общества потребления вообще не оставляет места для морали. Правовое пространство Запада призвано развивать и закреплять такой порядок вещей.

Рассмотрение через призму денег всех сторон человеческой жизни оказалось несостоятельным. Вне поля зрения государства остается все, что не поддается денежной оценке. Церковь пытается заполнить нравственный вакуум, но, с одной стороны, она сама вовлечена в товарно-денежные отношения, а с другой — фактически не имеет рычагов влияния на госуправление.

Появившиеся за последнее время всевозможные теории по преодолению глобального экономического кризиса, по сути, являются некоторыми видоизменениями набора старых стимулирующих материальных факторов. Решить с их помощью стратегические задачи невозможно — они находятся внутри материального мира и используют его инструмен-

¹ См. М. Кузнецов, К. Кеворгян. Деньги или достоинство. — «Однако». 2011. №17. С. 26—31.

МЯСНИКОВА Людмила Анатольевна — профессор кафедры коммерции и логистики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук.

тарий. Постановка нематериальных целей требует материального обеспечения, но они не сулят денежных доходов, и потому такого обеспечения не получают — они отторгаются миром денег, и в результате влияние материальных стимулов закрепляется еще больше. Найти решение в рамках парадигмы общества потребления нельзя.

Дело в том, что носители этой модели не способны ставить перед собой цели, не сулящие прямой выгоды. Это напоминает необъяснимое природное явление, называемое «муравьиным кругом» или «мельницей смерти», состоящее в том, что небольшая группа муравьев начинает без видимой причины бегать по кругу, постепенно вовлекая в него все большее число сородичей. Бег продолжается до полного истощения, пока насекомые не падают замертво. Иногда некоторые особи уходят из-под «жерновов» этой «мельницы» — вероятно, у них активизируется иная «программа». Для выхода из замкнутого круга власти денег человечеству также нужна иная программа с новым целевым императивом.

По всем измерениям миросистемы нарастает хаотизация. Кризис, начавшийся в США в 2000 году как кризис «новой экономики», капитализация которой во много раз превысила ее реальную долю в ВВП, перерос в глобальный и становится преддверьем катастрофы². Недвижимость и ипотека выполнили лишь роль «отложенного козла отпущения» (2002—2009 годы). Н. Рубини считает, что катастрофа в экономическом измерении уже началась³. Ха-

отизация экономической жизни тесно связана с политикой. Перевороты и «революции» охватили Ближний Восток и готовы перекинуться на всю исламскую дугу. Идет борьба за власть и смену элит. США и ведущие европейские страны будоражатся волнениями, особенно молодежными («Захвати Уолл-стрит», «Захвати Лондон»). Во всех движениях проявляется преднамеренная интернет-координация, использующая импульсы неприемлемости тотальной несправедливости. Потерпела поражение либерально-монетаристская модель, берущая начало от работ Ф. фон Хайека и М. Фридмана⁴.

В культурном измерении также наблюдаются деградация и хаотизация. Менеджер, единственным предметом восхищения которого является игра го. Юная девушка, ищущая свое счастье исключительно в шмотках, парнях и увлажняющих кремах. Швейцарский правозащитник, едущий на все четыре стороны планеты, чтобы поддерживать повстанцев — при условии, что их восстание подавлено. Любитель искусства, восторгающийся последним криком современного гения, веком художников, которые — от сюрреалистов до венских акционистов — соревнуются в меткости плевков на фасад цивилизации, и т. п.

Кризисы в отдельных измерениях складываются во все более определенную структуру «домино», ведущую к системному кризису. Запад — это цивилизация, пережившая все пророчества о своем закате, благодаря уникальной уловке: он пожертвовал собой как особой цивилизацией, чтобы восторжествовать в качестве универсальной культуры. Агонизирующая сущность пожертвовала своим содержанием, чтобы выжить в виде

² См. Л. Мясникова. От глобального кризиса к катастрофе миросистемы. — «Мировая экономика и международные отношения». 2011. № 2. С. 100—108.

³ См. Н. Рубини. На краю спада. — «Завтра». 2011. № 35.

⁴ См. А. Бенуа. Против либерализма. СПб., 2009.

формы⁵. Положение в миросистеме невольно приводит к выводу, что она активно входит в состояние бифуркации. Это вхождение резко активизировалось с распадом СССР и соцблока. Политическая катастрофа распада — катастрофа мироустройства — стала не только крушением «реального социализма», но и либерального социализма — социал-демократического, западного. Гарантом последнего, политическим и экономическим стимулом его существования, то есть мощного социального перераспределения, было наличие «реального социализма». Его отсутствие привело к постепенному демонтажу институтов социального микширования, «сделав-

нынешнего аферизма, авантюризма и разгильдяйства, которые она себе позволяет, почувствовав безраздельную победу. Получилась же не окончательная победа по Фукуяме, а ворота в состояние бифуркации. Масла в огонь этого состояния подлили события 11 сентября в США, явившиеся бумерангом создания (в 1980-х) «Аль-Каиды» против СССР в Афганистане. Подобный бумеранг может сработать в Европе после создания Францией антиливийской «Аль-Каиды» в странах мусульманского Магриба⁷.

Экономическое измерение хаотизации хорошо отражается положением центробанков ведущих стран Запада. Капитал ФРС составляет 25 миллиардов долларов, а активы на балансе — 2,8 триллиона, то есть около 1,0 процента; у ЕЦБ это соотношение — 0,5 процента (активы — 2 триллиона евро). У Банка Англии — 2 процента (активы — 225 миллиардов фунтов). У других ЦБ Запада ситуация примерно такая же. Скопившиеся на балансах ЦБ активы

Запад — это цивилизация, пережившая все пророчества о своем закате, благодаря уникальной уловке: он пожертвовал собою как особой цивилизацией, чтобы восторжествовать в качестве универсальной культуры.

ших» «золотой миллиард». Капитализм вновь получил возможность проявлять свой хищнический оскал (по Марксу).

Катастрофа «реального социализма» привела и к катастрофе «реального капитализма» конца XX века⁶. Последний мог существовать лишь при наличии системного конкурента в лице первого. При наличии системного конкурента капиталистическая миросистема не позволила бы себе

носить в основном рискованный характер. Будь центробанки коммерческими, при таком соотношении активов и собственного капитала они бы уже обанкротились.

Фондовый рынок находится в состоянии повышенной нервозности и волатильности. Наблюдается «японизация» (по сценарию 1989—1990 годов) экономики Запада. Формируется «японский» инвестиционный климат — «бегство» с фондового рынка в безопасное убежище государ-

⁵ См. «Невидимый комитет. Грядущее восстание». М., 2011.

⁶ См. М. Леонтьев. Поминки по живому. — «Однако». 2011. № 28. С. 8—9.

⁷ См. Е. Сатановский. Ливийское чудо. — Там же. С. 28—29.

ственных облигаций, несмотря на снижение суверенных рейтингов (США, страны ЕС) и низкую доходность бондов (менее 2 процентов).

После кризиса 2008 года органам финансового контроля так и не удалось навести какой-либо порядок на валютном рынке и рынке производных финансовых инструментов. Номинальная стоимость этих деривативов — свыше 860 триллионов долларов, валютного рынка — 800 триллионов, а мировой ВВП составляет всего 65 триллионов долларов. Это уродливое несоответствие реальных и виртуальных денег — основа новых волн глобального финансового кризиса. Не удалось вернуть финансовую сферу США к рузвельтовским законам, отделяющим традиционный банковский бизнес от спекулятивных операций. Большую опасность представляет также навес внешнего долга. Для всех стран он составляет 54 триллиона долларов (суверенный долг — 33,5 триллиона долларов). Госдолг США в конце 2011 года уже превысил ВВП (более 15 триллионов долларов). Госдолг стран ЕС — 10,3 триллиона евро (82,2 процента ВВП).

Начиная с 2008 года мировая экономика перманентно балансирует по краю пропасти. Действия регулятора (правительства) неэффективны и скорее ведут к тупиковому положению шахматного цугцванга, когда любой следующий ход ухудшает положение. Антикризисные меры, предпринятые в 2009—2011 годах, не привели к существенному оживлению реального сектора экономики, который до сих пор не вернулся к докризисному уровню. Эти меры типичны для «греческого синдрома», когда «хвост собаки» отрубают по частям.

Сползание к бифуркации обусловлено более чем тридцатилетним господством на Западе метафизики неолиберализма и «парада

шарлатанов»⁸ либерально-монетаристской модели экономики стимулирования предложения.

Идеология поддержки спроса, предложенная Г. Фордом, получила продолжение в «Новом курсе» Рузвельта, а теоретически была обоснована в экономической доктрине Кейнса. Кризис перепроизводства 1920—1930-х годов был преодолен, когда кейнсианская модель — стимулирование спроса, сменила либеральную — стимулирование производства (предложения). Кейнсианство исходило из несправедливости первоначального распределения общественного богатства на рынке, что сдерживает рост потребительского спроса и порождает социальное напряжение. Государство при помощи налоговой системы призвано осуществить вторичное перераспределение этого богатства, что формирует мощный потребительский класс («средний класс») в 60—70 процентов населения, а не в 20—25 процентов реальных потребителей, как при либерализме.

К началу 1970-х кейнсианская модель стимулирования спроса в развитых странах исчерпала свой потенциал роста из-за вхождения мировой экономики в кризис «сверхнакопления». Ввиду отсутствия рентабельного приложения в реальном секторе произошло сверхнакопление капитала, и он ушел в финансовую сферу — начался период финансовой экспансии. Эта экспансия образовала капитал формирования прорывных технологий для направления экономики по новому руслу (по Шумпетеру). Этот же капитал пытался доминировать над всеми видами деятельности делового мира на финансовом поле с характерными для

⁸ См. С. А. Егишянц, Тупики глобализации: торжество прогресса или игра сатанистов? М., 2004.

него «пузырями» и «пирамидами». Кризис сверхнакопления проходил на понижательной волне пятого Кондратьевского цикла (К-цикла). На повышательной волне этого цикла в рамках новых формировавшихся технологий («Новая экономика») в 1980—1990-е годы произошел бурный рост мировой экономики (особенно США), пока пузырь «Новой экономики» не лопнул в 2000-м. Но и до 2008 года мировая экономика развивалась на той же повышательной волне. В 1980—1990-х произошел процесс «накопления изъятием» (по Дж. Арриги), когда мировой финансовый капитал изъяс с помощью искусственно организованных дефолтов и финансовых кризисов у развивающихся стран огромные финансовые ресурсы, которые могли сформировать устойчивый рост спроса в этих странах. Триллионы долларов перетекли на Запад (особенно США) и по большей части ушли в финансовые спекуляции, обрушившие рынок «Новой экономики» в 2000 году.

В 2008-м мировую экономику настиг кризис перепроизводства, свидетельствующий о переходе на понижательную волну шестого К-цикла. Пол Кругман назвал этот кризис «кризисом долга и падения спроса». Почему упал спрос? В результате «неолиберальной революции» Рейган и Тэтчер расправились с профсоюзами, и реальная заработная плата в США в 2000-х осталась на уровне 1968 года. Владельцы капитала так успешно повышают конкурентное давление на труд, что производительность труда обгоняет рост реальных зарплат — спрос не растет вместе с предложением. Благополучие в США последние 30 лет росло за счет кредитов. Суммарная кредиторская задолженность в стране на всех уровнях к 2008 году превышала четыре годовых ВВП. Кре-

дитная пирамида уперлась в пределы возможностей своего роста — кризис долга, а соответственно и падения спроса. К такому результату привела неолиберальная модель стимулирования производства. Кругман считает, что любые «телодвижения» в рамках такой модели (например, ускорение работы печатного станка — «количественное смягчение») только усугубят ситуацию. Необходим переход к неокейнсианской модели стимулирования спроса.

Если произойдет сползание к бифуркации, то миросистема через хаос перейдет в фазу самоорганизации с выбором новой структуры и пути развития — аттрактора. Определенное предсказание такого пути невозможно⁹. Свобода возможностей этого аттрактора сужается необходимостью сохранения жизнеспособности миросистемы в виде социального каркаса, который меняет точку отсчета — от свободы к необходимости¹⁰.

К. Маркс считал, что глобализация и финансовое посредничество способны выйти из-под контроля, а перераспределение дохода и богатства от труда к капиталу может привести капитализм к самоуничтожению. Такого же мнения придерживается либеральный экономист Н. Рубини. Й. Шумпетер полагал, что сами успехи капиталистической миросистемы подрывают защищающие ее общественные институты и создают условия ее краха. Современная миросистема в достаточной мере чревата условиями Маркса и Шумпетера. С утратой ситуации «реального капитализма» она движется к пропасти

⁹ См. **И. Пригожин, И. Стенгерс**. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986.

¹⁰ См. **И. Егоров**. Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И. Пригожина. — «Мировая экономика и международные отношения». 1989. № 2.

по понижительной волне К-цикла, к новым глобальным этапам системного кризиса, предсказанным на 2012—2015 и 2017—2019 годы¹¹.

Во второй половине прошлого века в общественное сознание Запада, прежде всего США, была вброшена легенда информационного общества как нового технологического уклада. Она быстро овладела общественным сознанием в виде бренда «Новая экономика», но и захватила сознание самих манипуляторов — творцов легенды. Так родилась «рейганомика», позволившая скорректировать в 1980-е годы предыдущую модель капитализма, приостановить падение эффективности капитала, разрушить СССР и в последний раз расширить рынки сбыта. Капитализм получил мощную подкачку в виде пакета новых привлекательных иллюзий, подаваемого как новый технологический уклад.

Легенда информационного общества

Термин «информационное общество» введен в начале 1960-х годов Ф. Махлупом и Т. Умесао. Философия экономики этого общества как постиндустриального технологического уклада разработана Д. Беллом¹². Философия эта в значительной мере утопична — некий «информационный социализм», где знание заменяет товарные отношения, обеспечивая информационную свободу. «Утопический реализм» Белла предусматривает ситуацию, когда рыночные критерии создают лишь информационную сигнальную систему, но не служат средством поддержания отчуждения.

¹¹ См. А. Айвазов. Несть пророка. — «Завтра». 2011. № 35.

¹² См. Д. Белл. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.

Потребность в «реальном» информационном обществе возникла в связи с двумя важными событиями в экономическом пространстве миросистемы в 1960—1970-х годах. Первое — «ресурсные» решения Римского клуба. Второе — экономический кризис 1970-х в США, который мог развиваться до второй Великой депрессии или до первой Великой стагнации.

Участники Римского клуба (ведущие экономисты и предприниматели мира) решили, что линейную «гонку прогресса» первой половины XX века надо прекратить — нет ресурсов, да и достигнутого вполне достаточно, чтобы логистическими методами увеличивать прибыль. Поэтому было рекомендовано направлять ресурсы не в «прорывные» технологии, а в логистические — информационные, обеспечивающие оптимизацию уже существующих отраслей (технологий). Так, начала создаваться легенда информационного общества, формирующая симулякр нового технологического уклада. Дискурс информационных технологий постепенно проник во все измерения миросистемы — семантика отброшена на второй план, господствует семиотика, то есть знак. Он важен для формирования инструментария логистических информационных технологий, но не имеет никакого смыслового содержания, кроме инструментального, направленного на механизмы увеличения прибыли. Римский клуб сформировал такие ресурсные социологические понятия, как «золотой миллиард» и «устойчивое развитие».

Причина «суперкризисов» миросистемы (например, Великая депрессия) находит объяснение в теории убывающей доходности Д. Рикардо, развитой в теории опережающего роста, предложенной К. Марксом.

Потерю доходности капитал компенсирует за счет освоения новых рынков. Однако возможности экспансии в какой-то момент кончаются или упираются в существующий расклад сил на мировой арене. Тогда происходят войны. Обе мировые войны имели именно такую экономическую подоплеку. К 1970-м годам США освоили все возможные для себя рынки. Ядерная война с СССР не способствовала бы их расширению. Выход виделся в технологической революции и тем более в смене технологического уклада, создающих массовый спрос на новые товары и новый формат жизни. Такая смена происходит после принципиальных научно-технических прорывов: в XIX веке именно они вывели экономику в век угля и стали, а в XX — в эпоху нефти и пластмасс.

Пришедшая к власти в 1981 году на волне борьбы с кризисом 1970-х администрация Р. Рейгана выбрала локомотивом (прорывом) нового экономического уклада массовую компьютеризацию, получившую в эти годы бешеный успех на базе персональных компьютеров. Такой выбор был обусловлен мировым лидерством США в компьютерно-софтверной сфере. Форсирование этого процесса, получившее название «рейганомика», происходило по двум направлениям. Первое — стимулирование предложения (налоги на бизнес) и спроса (смягчение банковских требований к заемщикам — физическим лицам). Второе — запуск гигантской пиар-кампании по внедрению в сознание толпы уверенности, что технологический уклад меняется, и новая эра уже началась. Краткосрочные и среднесрочные итоги восьмилетнего правления Рейгана были весьма убедительны. Среднесрочные последствия также были

позитивны — бум 1990-х, правда чистота «эксперимента» была подпорчена освоением в этот период рынков бывшего соцлагеря.

Пиар-кампания — мощное оружие в руках истеблишмента для манипулирования общественным сознанием. Принятие манипуляции толпой незаметно воздействует и на самих манипуляторов — они начинают искренне верить в ее смысл. Так получилось и с легендой о смене технологического уклада, соизмеримого с наступлением эпохи нефти и пластмасс и ростом научно-технического прогресса, «сейчас» быстрее, чем когда-либо в прошлом. Делается попытка придать довольно удачной кратковременной тактике рейганомики стратегический статус — «Новой эры» развития человечества с «Новой экономикой».

«Новая экономика», крах которой произошел в 2000 году, предстала как кризис интернет-компаний. Персональные компьютеры и информационные технологии действительно создали лавину нового спроса, но незначительно изменили — куда меньше, чем железная дорога и телеграф, — повседневную жизнь человечества. Все вроде бы «сидят» в Фейсбуке или пользуются Гуглом, но платить за это никто не готов. Основную часть дохода этих компаний составляет реклама. Что за базовый продукт для общества, за который никто не готов платить? Компьютерные и сетевые игры безусловно создали новый спрос; но соизмерим ли он с тем, который создали нейлоновые чулки и колготки, изобретенные фирмой «Дюпон» в 1930-е годы? И это при том, что никому в голову не приходило называть фирму «Дюпон» «Новой экономикой».

Еще более удивительны (даже смешны) претензии на то, что миро-

система не просто вошла в новый технологический уклад (их было немало за историю экономики), а в третий тип экономики — информационную, которая следует за сельскохозяйственной и промышленной. А пишут об этом не фантасты, а вполне мейнстримные социологи-экономисты¹³. В реальности нет даже намек на то, что миросистема вошла или входит в новый технологический уклад¹⁴. Приписываемая к этому укладу нанотехнология к настоящему времени является лишь рекламным слоганом для получения грантов в области фундаментальной науки. Примыкающие биотехнологии пока существуют лишь в сфере медицины, а она является конечным потреблением, но не инструментом или материалом производства. Похоже, что информационные технологии не так далеки от предела своего проникновения в другие отрасли, и предел этот определяется только ростом прибыли, а он уже не столь и велик¹⁵.

Начиная с середины прошлого века научно-технический прогресс замедлился. Никаких существенных прорывов не произошло. Даже в медицине не возникло ничего сопоставимого с антибиотиками (середина XX века) и вакцинами (начало XX века), прорывами, увеличившими продолжительность человеческой жизни более чем на 25 лет. Раз в год появляющиеся новые мобильники и игры, а также бессмысленное совершенствование гаджетов, обслуживающих виртуа-

лизацию физически деградирующей реальности. Все это — лишь видимость прогресса, его симулякр. Инновационный сектор, конечно, существует, но масштаб его в экономике не выше, чем был и 50, и 100 лет назад. Несмотря на кризис 2008 года, ставший перманентным, истеблишмент продолжает верить в сказки о новом технологическом укладе, новом научно-техническом буме, которые сам и сочинил. Сказки существуют на фоне логистических действий в духе Римского клуба.

За последние 50 лет реальная мировая экономика структурно укрупнилась. Настоящей монополии нет, но каждый вид бизнеса, даже в США, представлен ныне двумя—четырьмя крупными компаниями. Такая олигополия обеспечивает максимальные прибыли при сохранении видимости конкуренции. Для олигополии важно сохранить такое положение вещей, однако оно может нарушиться при технологических прорывах. Поэтому создаются условия, затрудняющие выход новых игроков на сцену реальной экономики. Сказка о технологической информационной революции определяет и инвестиционные ресурсы. Основной их поток идет в сферу информационных технологий, где значительно ниже порог выхода на рынок, а спрос на эти технологии со стороны реальной экономики образует прибыль «здесь и сейчас». Развитие информационных технологий усиливает взаимозависимость всех частей и элементов организации, что приводит к накоплению организационной сложности на всех уровнях и во всех сферах человеческой деятельности. Такое накопление ведет к нарастанию неопределенности в функционировании и развитии организаций всех масштабов. В миросистеме происходит ускорение изменений в ус-

¹³ См.: Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. Революционное богатство. М., 2008; Э. Тоффлер. Третья волна. М., 1999.

¹⁴ См. М. Юрьев. Правда и мифы об инновационной экономике. — «Однако». 2011. № 25.

¹⁵ См. А. Зуев, М. Мясникова. Кризис информационной революции. — «Мировая экономика и международные отношения». 2005. № 3. С. 24—27.

ловиях нарастающей неопределенности¹⁶.

Несомненным успехом информационных технологий явилось создание Интернета, который подхлестнул темпы глобализации экономики. Глобализация привела к торможению прогресса за счет «размазывания» технологий. Локальная экономическая среда оказалась слишком разряженной и не способствующей технологическому творчеству. Местные возможности теряются, а новые, глобальные, — не приобретаются. Поэтому возникает тяга к кластеризации экономики.

Начиная с 2008 года в Интернете получили широкое распространение компании-скидочники, эксплуатирующие любовь толпы (особенно в США) к скидкам. Самая крупная (капитализация 14 миллиардов долларов) из них — компания «Groupon»¹⁷. Доход таких компаний создается комиссией через скидочные купоны. Скидочный бизнес, за которым стоит многомиллионная толпа пользователей, оказывает существенное давление на оптовые цены производителя, а следовательно, и на себестоимость товаров — производитель хочет иметь свою маржу. Такое воздействие неизбежно убивает качественное производство и источник творческого развития хозяйства. Психологическая подоплека успехов скидочного бизнеса состоит в одном из важнейших конфликтов нашего времени — люди не хотят снижать уровень жизни, не имея при этом ресурсов для повышения эффективности своей деятельности. Бешеный рост скидочного бизнеса и ничтожность его бизнес-модели позволяют предположить, что на мировом

интернет-рынке надувается новый пузырь, подобный пузырю конца 1990-х. Это подтверждается падением капитализации «Groupon» в апреле 2012 года.

Социальный инфантилизм

Когда миросистема стоит на краю пропасти, казалось бы закономерным выдвигение обществом создателей и творцов, способных на технологические прорывы и готовых к ответственности за будущее. Реально же в конце XX и начале XXI века общество развитых стран стало «выдавать» инфантильное поколение «кидалтов»¹⁸, которые не хотят ни работать, ни жениться, ни заводить детей.

На первый взгляд зрелые люди фактически живут жизнью детей, разве что на более широкую ногу: ходят в кино смотреть мультики, покупают очень дорогие игрушки, собирают коллекцию смартфонов и по много часов играют в компьютерные игры. Моральная незрелость проявляется в самых разных сферах; но психологи в первую очередь акцентируют внимание на неготовности кидалтов создавать свою семью. Классическая система ценностей, ставящая на первое место семью, утрачивает актуальность, и в развитых странах наблюдается коренной перелом в отношении к институту брака. Люди готовы жить в гражданском браке, но не готовы жертвовать личной свободой и интересами ради других. Нежелание инфантильных взрослых заводить детей выливается в развитых странах в демографическую катастрофу.

Другая сторона проблемы состоит в возрастающей зависимости инфан-

¹⁶ См. А. Пригожин. Дезорганизация. М., 2007.

¹⁷ См. Е. Обухова, Е. Огородников, Е. Рыцарева. Золотые скидки. — «Эксперт». 2011. № 45.

¹⁸ Кидалт — «взрослый ребенок», *англ.* kid — ребенок и adult — взрослый.

тального поколения от своих родителей. По статистике 2010 года, половина итальянцев в возрасте 18—39 лет предпочла жить вместе со своими родителями. В Германии 63 процента молодых мужчин живут со своими родителями. Аналогичная ситуация и в других европейских странах, а также в Японии и США. Традиционно в Соединенных Штатах дети рано покидали семейное гнездо. Сегодня после окончания колледжа или университета многие возвращаются к родителям — «дети-бумеранги». Большинство «недовзрослых» существуют на иждивении родителей. По данным национальной статистики, в Великобритании 10 миллионов человек (17 процентов населения страны) требуют материальной поддержки у родителей, при этом «фонд» таких дотаций составляет 55 миллиардов фунтов стерлингов в год.

Тем не менее кидалты иногда уверенно продвигаются вверх по карьерной лестнице и занимают высокое социальное положение. Они более креативно и творчески подходят к решению рабочих вопросов, готовы рисковать и идти на смелые эксперименты. Эти качества могут оказаться ключевыми в таких сферах деятельности, как дизайн и реклама. Сам карьерный рост кидалтов довольно своеобразен: они без энтузиазма относятся к линейному продвижению по службе, часто «перескакивают» с одного места работы на другое, уходят в дауншифтинг, начинают вторую карьеру после 35 лет и т. д. Они непоседливы, стремятся все попробовать и везде побывать, но в итоге ничего не знают по-настоящему, не становятся мастерами своего дела. В популярном посте «Мы — дети» (манифест кидалтов) пользователи ЖЖ ясно отвечают на вопрос, чего хотят кидалты от работы: «Работа — только способ добыва-

ния средств для получения фана от жизни».

Сериал «Доктор Хаус» бьет рекорды популярности, но вряд ли реальные пациенты захотели бы лечиться у такого экстравагантного медика. Кидалты — весьма перспективная потребительская аудитория игрушек. Ее покупательская способность превышает триллион долларов¹⁹. Особенно существенна их одержимость дорогими электронными гаджетами — они выступают лекарством от фобии взросления. 85 процентов аудитории анимационных фильмов, особенно полнометражных, составляют кидалты старше 30 лет. Соответственно, меняется и тематика анимаций. По данным американских аналитиков, за счет кидалтов интерес к компьютерным играм непрерывно растет, и к 2015 году объем соответствующего рынка достигнет 112 миллиардов долларов. Роман Д. Роулинг о Гарри Поттере (7 книг) вышел тиражом 450 миллионов экземпляров (доход — 1,2 миллиарда долларов) и признан кроссовером — продуктом, пересекающим возрастные границы. Его основная аудитория — кидалты. В последнее десятилетие наблюдаются постепенное размывание понятия «зрелость» и возникновение феномена кидалтов. Явление это стимулируется прежде всего игровыми сетями, действующими подобно наркотикам. В 2010 году средний возраст геймеров составлял 35 лет. Другим важным стимулятором выступает «победа» маркетологов, сформировавших тип личности, выражающей свое отношение к жизни через потребление.

Социальный инфантилизм не только отражает сползание миросистемы

¹⁹ См. С. Докука. Конец взрослого человечества. — «Однако». 2011. № 39.

в хаос, но и способствует этому процессу. Согласно теории поколений, их основные черты передаются от «пра-прадедов». Массовый кидалтизм современности — явление новое. В «пра-пра» поколении кидалтизм был представлен единичными случаями.

В странах Запада довольно быстро развиваются и способствуют их деградации сетевые сообщества «фриганов», сделавших «стилем» своей жизни употребление просроченных продуктов — сначала со свалок, а затем со специально организуемых ими складов. Супермаркеты заинтересованы в таких сообществах, освобождающих их от дорогостоящей утилизации. По данным немецких аналитиков, только в ЕС таких фриганов более 100 тысяч, и в основном это не люмпенизированная часть общества.

Российские особенности

Выступая на VIII конференции дискуссионного клуба «Валдай» в ноябре 2011 года, китайский политолог Шэн Шилян емко охарактеризовал российские реалии с помощью древней притчи. Жители княжества Чжао славились красивой походкой. Некий недоросль из княжества Янь отправился туда учиться красиво ходить, но так ничему и не научился за 20 лет. В результате он вернулся домой на четвереньках — добрый малый, пытаясь подражать другим, вообще отучился нормально ходить. Может быть, американцы, европейцы и японцы очень красиво шагают, но не лучше ли сначала пойти привычным русским шагом?

Следуя чужими шагами, за два десятилетия страна загнана в ловушки, первая из которых — геоэкономическая. Капиталистическая хозяйственная система основана преимущественно на принципе выгоды и

размещает производство в тех местах и на тех условиях, которые обеспечивают максимальную норму прибыли. С этой точки зрения рентабельным типом экономической деятельности в России оказываются только добыча сырья и производство продукции первого передела. Эта деятельность требует ограниченного по количеству и качеству кадрового потенциала (15 миллионов человек, по мнению М. Тэтчер) и не обладает мультипликативным эффектом, ведущим к развитию образования, культуры и науки.

Применение к России концепции «открытой экономики» в условиях глобализации неизбежно ведет к целому ряду последствий: к демографическому регрессу из-за относительного перенаселения; к нарастающему социальному расслоению в обществе из-за ограниченности объемов финансовых потоков и политически обусловленной сегрегации общества, выделяющей ограниченное число «плюс-партнеров», способных проводить политику, оставляющую в нищете основную массу «минус-партнеров»; к отмиранию, ввиду нерентабельности, производства продукции высоких переделов и деградации фундаментальной науки, культуры, образования. Указанные выше тенденции наглядно иллюстрируются развитием событий в постсоветской России. Они же, как социальные запросы экономики первого передела, не в состоянии сохранить геополитическую целостность РФ, реальный суверенитет которой требует мощного эффективного государства, опирающегося на большой качественный человеческий капитал.

Вторая ловушка — демозэкономическая²⁰. Все кардинальные пре-

²⁰ См. В. Захаров. Ловушки для России. — «Завтра». 2012. № 1.

образования после 1991 года осуществлялись под лозунгами идеи об абсолютной невозможности дальнейшего развития страны по социалистическому пути и скорейшей необходимости возвращения России в «мировую цивилизацию». Для этого «возвращения» господствующим классом, возникшим во время перестройки, были подавлены все поддерживаемые Советской властью высокие и культурные архетипы и стереотипы установочно-нормативного поведения и оживлены подавленные еще столетие назад (и в имперской, и в Советской России), но хранившиеся в подсознании народа, самые низкие и примитивные архетипы и стереотипы — такие, как обман, цинизм, нравственная распущенность, паразитизм, презрение к труду, гедонизм и пр.

Результатом «естественного» функционирования созданной экономической системы стало формирование в современной России новой «комфортной» и конформной человеческой общности²¹. Этой общности присущи ориентированность на материальное потребление на любом уровне, готовность опускаться все ниже по лестнице примитивизации, употреблять любой медиа-продукт, беспредельный социальный эгоизм — наивная вера в возможность собственного благополучия без благополучия общего и т. д. Все это противоречит задаче усиления демографического потенциала РФ — как в количественном, так и в качественном отношении. Без такого усиления невозможно сохранение геополитической целостности страны.

С рассмотренными ловушками РФ представляется неустойчивой геополитической средой, возможными

аттракторами развития которой являются распад по образцу СССР или изменение экономической системы, подобно автаркии Листа.

Нейроэкономика

Хотя бифуркационный тренд развития миросистемы отчетливо проявился уже после распада СССР, ряд ученых считает, что он не фатален, благодаря новому направлению в экономической науке — нейроэкономике, которой всего несколько лет, и она может совершить революцию в этой науке.

Нейрология — наука о строении и работе нашего мозга — начинает менять представления о том, как люди принимают решения. Результаты этих исследований должны повлиять на понимание функционирования экономики. Так ли это — покажет ближайшее будущее. Нейроэкономика может стать научной революцией, «прорывом» в застойной области экономической науки, которая последние годы занята малозначительными деталями.

Нейроэкономика пытается установить связь основных положений экономики с нейрологией²². Это следующий шаг (и возможно большой!) после легитимации влияния психологии на управление экономикой. Современная экономическая (и финансовая) теория исходит из допущения человеческой рациональности. Под рациональностью понимается стремление человека повышать свой уровень удовлетворенности жизнью (утилитарности). В своей классической работе «Основы экономического анализа» (1947) Самуэльсон коснулся утилитарности чисто умозрительно, не интересуясь

²¹ См. там же.

²² См. Р. Шиллер. Экономика мозга. — «Ведомости». 23.11.2011.

устройством мышления, сославшись на выявленные «предпочтения». Далее все поколения экономистов основывали свои исследования на предположении о человеческой утилитарности. Нейроэкономисты хотят превратить «мягкую» утилитаристскую теорию в «жесткую», открыв в мозгу структуры и механизмы, лежащие в ее основе. Несмотря на тщательность исследований, такие структуры и механизмы пока обнаружены не были. Возможно, их вообще нет, а вся теория утилитарности ошибочна и требует капитального пересмотра. Если это подтвердится — наши знания по экономике будут потрясены до основания.

Нейрологи также пытаются понять, как мозг работает в ситуациях неопределенности, когда вероятность неопределима, а информация недоступна. Установлено, что в случаях очевидной и неочевидной вероятности в принятии решений задействованы разные участки головного мозга. Такие исследования помогают понять действия людей в ситуациях финансовых рисков и кризисов. Нейроэкономика исследует также связь биологической (неврологической) иерархии людей (воображение, скорость мышления, Парето-мышление, коммуникабельность) с социальной, что необходимо для эффективного выбора и воспитания элиты будущего.

Еще Дж. М. Кейнс полагал, что большинство экономических решений принимается в условиях неопределенности, когда невозможно просчитать вероятность. Он сделал вывод, что на бизнес-циклы главным образом влияют колебания уровня «иррационального оптимизма», или «жизнерадостности» (*animal spirit*), то есть феномена, непонятого экономистам. Весьма вероятно, что в ближайшее время мы больше узнаем об экономических закономерностях, если

сможем лучше разобраться в проблемах нейрологии.

Лучшие умы мировой экономики в ходе 42-го Давосского экономического форума не смогли ответить на животрепещущие вопросы и дать рецепты на будущее. Капитализм как инструмент экономического развития себя исчерпал. Утратила смысл парадигма научно-технического прогресса, которая и обеспечивала капитализм ресурсами развития. С точки зрения политэкономии это насыщение уровня разделения труда²³ из-за невозможности дальнейшего расширения глобализованных рынков. О крахе капитализма говорил К. Рогофф (экс-главный экономист Мирового банка). Он же заметил, что современная экономическая наука не имеет никакого отношения к реальности. С. Глазьев также считает, что неоклассическая теория рыночного равновесия ничего не дает для понимания реальности²⁴. Основатель и председатель форума К. Шваб отметил, что действующий формат капитализма не вписывается в модель современного мира.

Если капитализм заканчивается, то современная мейнстримовая теория (экономикс) не годится для адекватного обсуждения этого процесса — в нее имманентным образом встроено представление о невозможности конца капитализма. Тем более она не подходит для обсуждения ситуации «после капитализма». Все «авторитетные» форумы, в том числе Давос, «говорят» на мейнстримовом языке и бессмысленно обсуждают пробле-

²³ См. М. Хазин. Уже нестратегический формат. — «Однако». 2012. № 1. С. 38—40.

²⁴ См. С. Глазьев. Решение постановленных Путиным задач требует мобилизации ресурсов. — «Однако». 2012. № 2.

мы капитализма «изнутри». Требуется новые площадки, новые идеи и новые люди, способные «снаружи» обсуждать проблемы на новом языке.

Сокращение рынков делает невозможным углубление разделения труда (об этом писали еще А. Смит и К. Маркс) — возникает кризис падения эффективности капитала. Такие кризисы в истории случались несколько раз, но нынешний принципиально отличен — рынки стали глобальными, их невозможно расширить. Это конец парадигмы развития и соответственно — капитализма.

В рамках текущего кризиса перестает существовать средний класс как общественно значимый фактор²⁵ — примерно так же, как во вто-

рой половине XX века это случилось с пролетариатом. Вся социально-политическая устойчивость капитализма, весь комплекс его базовых идей зиждется на среднем классе. Последний — главный «потребитель» демократии. Что с нею будет после «ухода» этого класса — пустое гадание, как и сам аттрактор «после капитализма».

Миросистема без всякой цели движется к трамплину, нависшему над пропастью. Не видно даже намека на «гениальность», сочетаемую с воображением, которая могла бы обеспечить «прыжок» через эту пропасть. «Параллельный мир», возникший как социальная отрывка Интернета, способен лишь генерировать движения с нулевой мотивацией («Захвати Уолл-стрит», «Честные выборы»), только ускоряющие движение миросистемы к краю бездны. ◆

²⁵ См М. Хазин. Конец среднего класса. — «Однако», 2012. № 4. С. 28—32.